

V Международная богословская конференция
Русской Православной Церкви

«ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВАХ»

Москва, 13–16 ноября 2007

доц. диакон Михаил Желтов
ЦНЦ «ПЭ»; МДА; ПСТГУ

ИСТОРИКО-ЛИТУРГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САКРАМЕНТОЛОГИИ

Свой доклад, который, подчеркну, посвящен не литургии как таковой, а литургическим аспектам сакраментологии, как составной части догматики, я хотел бы начать с вопроса: Полезна ли историческая литургия, основу которой составляет источниковедческое, по сути, исследование литургических памятников, сакраментологии как разделу христианского богословия? Несомненно, полезна — и вот почему.

Во-первых, православная сакраментология — далеко не столь ясно догматизированная (если смотреть с точки зрения наличия четко сформулированных соборных определений и постановлений) область богословия, как, скажем, триадология или хринология; более того, она касается настолько таинственных областей церковной жизни (на что указывает уже само слово «таинство»), что Святые отцы обычно избегают подробного раскрытия ее содержания. Недаром в византийской и древнерусской традиции основным методом изъяснения богослужения стал метод символический, который — неважно, сознательно или несознательно, — уходит от догматических аспектов осмысления таинств Церкви, предпочитая довольствоваться языком символов и прообразов. Поэтому та источниковая база, на которой обычно и строится догматическая система — а именно, сокровищница Священного Писания и творений Святых отцов, — в случае сакраментологии обязательно должна усиливаться памятниками литургическими; причем не только теми текстами, которые сейчас находятся в церковном обращении, но и теми, которые когда-то Церковью употреблялись, а потом по разным причинам перестали звучать за богослужением в храме¹. Прежде всего, это касается текстов самих чинопоследований таинств — тому изначальному осмыслению таинств, которое предшествует всякому богословскому дискурсу и выражает самую суть сакраментологического учения Православной Церкви. Увы, в традиционных догматических курсах разделы о богословии таинств собственно литургические памятники обычно учтены в очень малой степени. Сказанное относится, в особенности, к вопросу о богословии таинств в ранней Церкви — вопросу, ключевому для православной сакраментологии. Итак, историческая литургия, с изучаемым ею корпусом церковных литургических источников и разработанным инструментарием для их анализа, может дать очень важный материал для расширения и углубления догматических построений в области сакраментологии — в том числе, в тех вопросах, для которых свидетельства Священного Писания или Святых отцов бывают не вполне достаточны.

Во-вторых — и это не менее (если не более) важно, чем то, что было только что сказано, — историческая литургия важна для сакраментологии по причине того, что церковные чинопоследования таинств и православное богослужение вообще весьма сложны по своей структуре, и интерпретация содержания тех или иных составляющих чинопоследований часто бывает неочевидной. Поясню свою мысль. В некоторых западных конфессиях богослужение устроено так, что оно формальным образом выражает те богословские идеи, которые обозначены в пространных исповеданиях веры этих конфессий; иными словами, выражает при помощи минимальной и понятной всем молящимся схемы те вероисповедные моменты, какие эта конфессия считает своими

¹ Впрочем, здесь неизбежно может возникнуть вопрос о богословской адекватности таких текстов, но историческая литургия в состоянии дать ответ и на этот вопрос.

Богословская конференция Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных Таинствах» — не больше и не меньше. Для богословского анализа такого богослужения историческая литургика не очень-то и нужна — все и так понятно без каких-либо дополнительных объяснений. Но наше богослужение далеко превосходит идею простой и лаконичной схемы.

Любому человеку, незнакомому с церковной жизнью или только начинающему в нее входить, православное богослужение кажется непонятным, сложным, таинственным². Но не только ему — и людям, проведшим в Церкви многие годы, и даже священнослужителям богослужение может оставаться малопонятным. Строжайшее знание устава служб и подробнейшее знакомство с тонкими особенностями различных чинопоследований (что, подчеркну, само по себе заслуживает всяческого уважения, а для священнослужителей и вовсе необходимо) далеко не всегда сопровождается знанием, почему устав именно таков, и откуда именно взялись эти особенности. И чудесная красота, и, одновременно, сложность нашего богослужения своим происхождением обязаны тому, что византийское богослужение складывалось веками, в его сокровищнице сложились вместе традиции самых разных эпох истории Церкви — так что за раннехристианским гимном времен мужей-апологетов может сразу следовать песнопение, написанное в синодальный период, а обряд, заимствованный из византийского придворного церемониала может сочетаться с традицией межзаветного происхождения.

Но во все времена и во все эпохи только богослужение было и продолжает оставаться главным свидетельством содержания православной сакраментологии, каковое выражается в нем не на языке формальных вероопределений, а на языке знаков, обрядов, священных текстов. Проблема здесь состоит только в том, что этот язык менялся — так что то, что когда-то было понятным всем жестом (например, поднятие руки), со сменой общекультурной парадигмы перестает быть таковым и, сохраняясь в богослужении, становится одним из элементов богослужебного чина, который совершается просто потому, что «так положено». И чтобы нам теперь вновь понять, почему именно «так положено», нам нужно обратиться к истории чина, узнать, каково было значение того или иного знака в Церкви в ту эпоху, когда он вошел в богослужение, понять непростой литургический язык, указывающий на стоящую за ним реальность. Чаще всего только историческая литургика может дать такой ключ, которым удастся отпереть «тайнозамкненные знамена» нашего прекрасного богослужения, а это неопределимо для сакраментологии, которая не имеет права отрываться от реальных церковных служб.

Итак, историческая литургика — наряду с библейским и святоотеческим богословием — должна составлять одну из главных опор для построения сакраментологии как раздела христианского богословия. Что же было уже сделано в области этой церковной науки?

Развитие исторической литургики как науки применительно к византийскому (т. е. православному) богослужению началось в XVII веке. Первые шаги в этом направлении были сделаны западными авторами — Жаком Гоаром (который, замечу, в очень большой степени опирался на труды блаженного Симеона Солунского), Жаном Мореном и другими. Уже в том же XVII веке их труды были замечены в России — так, Евфимий Чудовской, знаменитый справщик московского Печатного двора³, перевел с латыни на церковнославянский комментарии Гоара к его знаменитому «Евхологию»⁴; эти же комментарии впоследствии станут и основным (и практически единственным) источником для все еще переиздаваемой «Новой Скрижали» архиеп. Вениамина (Румовского-Краснопевкова).

² При чем одним это может нравиться, а у других, наоборот, вызывать скорее отрицательную реакцию.

³ Кому мы обязаны целому ряду принятых ныне переводов богослужебных книг, а также такими текстами, как «Учительное известие» при славянском Служебнике.

⁴ Автографы перевода Евфимия (см. о нем: *Исаченко-Лисовая Т. А.* Евфимий, келарь Чудова монастыря // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 287–296; *Strakhov[a] O. B.* The Reception of Byzantine and Post-Byzantine Culture and Literature in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620[s?]-1705). Diss.: Brown University, 1996) доныне хранятся в Синодальной библиотеке в ГИМе.

Но настоящий расцвет научное исследование византийского, славянского и грузинского богослужения пережило в России во 2-й половине XIX — начале XX в. Труды таких ученых, как еп. Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), Александр Иванович Алмазов, Александр Петрович Голубцов, Алексей Афанасьевич Дмитриевский, Иван Алексеевич Карабинов, Николай Фомич Красносельцев, Иван Данилович Мансветов, Сергей Дмитриевич Муретов, Михаил Николаевич Скабалланович, Полихроний Агапиевич Сырку, Борис Александрович Тураев, прот. Константин Никольский, прот. Александр Петровский, прот. Корнелий Кекелидзе и других⁵, православная историческая литургика поднялась на огромную высоту. Было издано множество ценнейших текстов — в том числе, и прямо относящихся к вопросу о богословии таинств в древней Церкви (например, найденный и впервые изданный А. А. Дмитриевским Евхологий Сарапона Тмуитского⁶). Всего за несколько десятилетий историческая литургика из малоразвитого раздела церковной археологии стала глубокой и серьезной наукой, мощным инструментом, ценным самим по себе, но применимым также и для решения проблем в областях истории и богословия.

В частности, если вернуться к вопросу о литургических аспектах сакраментологии, то есть о сугубо богословском использовании достижений литургики, то необходимо отметить такие работы русских дореволюционных ученых, как монография А. И. Алмазова «История чинопоследований Крещения и Миропомазания» (Казань, 1884) — по таинствам Крещения и Миропомазания; книги С. Д. Муретова «Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава литургии» Константинопольского Патриарха Филофея: Опыт историко-литургического исследования» (М., 1895), И. А. Карабинова «Евхаристическая молитва (анафора): Опыт историко-литургического анализа» (СПб., 1908) и А. П. Голубцова «Из чтений по церковной археологии и литургики: Литургика» (изд. И. А. Голубцов. Сергиев Посад, 1918) — по таинству Евхаристии; работы А. А. Дмитриевского «Ставленник» (К., 1904) и А. З. Неселовского «Чины хиротесий и хиротоний: Опыт историко-археологического исследования» (Каменец-Подольск, 1906) — по таинству Священства; трехтомник А. И. Алмазова «Тайная исповедь в Православной восточной Церкви: Опыт внешней истории (Исследование преимущественно по рукописям)» (Одесса, 1894); монография иером. (впосл. — архиеп.) Венедикта (Алентова) «К истории православного богослужения: Историко-литургическое и археологическое исследование о чине таинства Елеосвящения» (Сергиев Посад, 1917) — по таинству Елеосвящения; исследование А. Л. Катанского «Догматическое учение о семи церковных таинствах в творениях древнейших отцов и писателей Церкви до Оригена включительно» (СПб., 1877) — о таинствах в целом; Н. Ф. Красносельцева «О древних литургических толкованиях» (Одесса, 1894) — о таком аспекте сакраментологии, как символические толкования богослужения; не говоря уже о целом ряде отдельных статей этих и других авторов.

Революция 1917 года трагически остановила развитие литургической науки в России. Некоторые из упомянутых выше авторов подверглись репрессиям (так, архиеп. Венедикт (Алентов) и профессор СПбДА И. А. Карабинов были расстреляны большевиками), другие были вынуждены прекратить свои научные занятия или не имели возможности публиковать свои труды (как А. А. Дмитриевский, написавший после революции две монографии и подготовивший к печати последний том своего знаменитого «Описания литургических рукописей»⁷ — все эти работы вплоть до настоящего времени так и не увидели свет). В советское время в России на литургические темы могли писать лишь немногие — как, например, профессор ЛДА Николай Дмитриевич Успенский. В течение большей части XX века даже в православном мире в целом было не так много крупных литургистов, как в России в предреволюционные десятилетия. Разумеется, необходимо отметить таких авторов,

⁵ Многие из их работ доступны в сети Интернет по адресу: <http://mzh.mrezha.ru/books.htm>.

⁶ Дмитриевский А. А. Евхологий IV в. Сарапона, епископа Тмуитского. К., 1894. [Отдельный оттиск из журнала «Труды Киевской Духовной Академии», номер 2 за 1894 год]. См. также новейшую работу: Johnson M. The prayers of Sarapion of Thmuis: a literary, liturgical, and theological analysis. R., 1995. (OCA; 249).

⁷ См.: Арранц М. А. А. Дмитриевский: Из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120–133.

Богословская конференция Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных Таинствах» как греческие исследователи Панайот Трембелас и Иоанн Фундулис; сербский ученый Лазарь Миркович; представители «парижской школы» богословия архим. Киприан (Керн) и протопр. Александр Шмеман.

Но все же основные научные достижения в области исторической литургики в XX в. принадлежат западным ученым. В частности, для исследования византийского богослужения и богословия таинств многое было сделано Иоанном Ханссенсом, Мартеном Жюжи, Рене Борнером, Хансом–Иоахимом Шульцем, а особенно — Хуаном Матеосом, его последователями Мигелем Арранцем и Робертом Тафтом и их многочисленными учениками. Поэтому особенно отрадно приветствовать профессора Папского Восточного института о. Роберта Тафта и его бывших студентов профессоров итальянских университетов Стефано Паренти и Елену Велковску и профессора Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке священника Александра Рентеля, равно как и многих других замечательных западных ученых, согласившихся принять участие в настоящей конференции.

Но, помимо исследования византийского богослужения, в XX веке был сделан настоящий прорыв в области исследования богословия и богослужения ранней Церкви⁸. Древнейший литургико-канонический памятник, «Дидахе», обнаруженный еще в XIX веке архим. Антонином (Капустиним) и впервые изданный митрополитом Никомидийским Филофеем (Вриеннием), был всесторонне изучен только в XX веке⁹. Очень далеко продвинулось исследование других литургико-канонических памятников — т. н. «Апостольского предания», «Апостольских постановлений», «Завета Господна нашего Иисуса Христа». Один из крупнейших специалистов в этой области — проф. Марсель Метцгер, которого мы сердечно благодарим за готовность приехать в Москву и принять участие в работе нашей конференции. В XX веке также стали ясны огромная ценность для исторической литургики таких источников, как т. н. межзаветные и раннехристианские апокрифы. Среди наиболее авторитетных исследователей этой группы памятников с литургической точки зрения — проф. Себастьян Брок, приславший свой доклад для настоящей конференции, и присутствующая здесь проф. Габриела Винклер (следует отметить, что интересы обоих исследователей далеко не ограничиваются темой свидетельств о христианском богослужении в апокрифах). Еще одно важное направление для раннехристианской литургики — изучение различных практик и их осмысления в различных течениях иудаизма эпохи Второго храма и исследование вопроса о их связи с богослужением апостольского времени и его богословием. Большое значение для раннехристианской литургики также имеет современная библеистика.

Как уже было отмечено выше, работа над этими темами крайне важна не только для литургики как таковой, но и для сакраментологии, так как богословие таинств в ранней Церкви является тем основанием, на котором стоит вся последующая сакраментология. В качестве примеров того, как историческое исследование раннего христианства может повлиять на догматическое богословие, можно привести такие вопросы, как проблему богословского осмысления Крещения в древней Церкви (одна из самых обстоятельных современных монографий на эту тему принадлежит присутствующему здесь проф. Максвеллу Джонсону; этим вопросом также занимались профессора Поль Де Клерк, Ханс-Юрген Фёльнер, Габриэла Винклер, Мерья Меррас, каждого из которых мы сердечно благодарим за участие в работе настоящей конференции), принципиальную для богословской интерпретации таинств Крещения и Миропомазания, или проблему происхождения евхаристической анафоры (наиболее полные и актуальные на сегодняшний день монографии на эту тему принадлежат присутствующим здесь профессорам Чезаре Джираудо, Энрико Мацца, Брайану Спинксу), ключевую для вопроса о богословии освящения евхаристических Даров.

⁸ Прекрасные обобщения (равно как и исследования) соответствующей проблематики можно найти в работах Пола Брэдшоу.

⁹ См. обзор и подробную библиографию в статье: *Ткаченко А. А.* «Дидахе» // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 14. С. 666–675.

Возвращаясь к литургике более позднего времени, можно отметить, что и здесь исследование богослужебных текстов и чинопоследований может принести пользу богословию таинств. Здесь можно указать на такие вопросы, как, например, взаимосвязь сакраментологии и средневековых литургических толкований (из присутствующих здесь ученых, разрабатывавших этот вопрос, следует указать на проф. о. Даниила Финдикяна, недавно опубликовавшего исследование об армянском литургическом комментарии еп. Стефана Сивнеци, и декана Свято-Сергиевского института в Париже проф. архим. Иова (Гечу)); богословские аспекты чина литургии Преждеосвященных Даров (в первую очередь, вопрос об освящении Чаши во время этой литургии) — о них в свое время писали в своих статьях уже упоминавшиеся выше И. А. Карабинов и Н. Д. Успенский, а новейшая монография в этой области принадлежит принимающему участие в настоящей конференции проф. священнику Стефану Алексопулосу; богословское содержание гимнографических произведений, многие из которых являются не менее авторитетным источником для богослова, чем святоотеческие прозаические творения (один из наиболее современных авторитетных исследователей в этой области, проф. о. Шарль Рену, не смог, к сожалению, прибыть в Москву для участия в конференции, но, тем не менее, представил для нее текст своего доклада).

В заключение нельзя не отметить, что особенно радостно, что среди участников конференции есть и отечественные литургисты: А. М. Пентковский, священник Владимир Хулап, А. А. Ткаченко и другие — это доказывает, что, несмотря на многолетние гонения, литургика как наука не умерла в России. Также необходимо приветствовать участие в конференции заслуженных российских специалистов по смежным специальностям — Б. А. Успенского, В. М. Живова, А. И. Шмаину-Великанову, А. Ю. Виноградова и многих других, — без которых, как было сказано выше, ни литургика, ни богословие не могут развиваться в полной мере.

Итак, использование материалов и выводов исторической литургики необходимо для сакраментологии, и можно надеяться, что сотрудничество богословов и литургистов в ходе Международной богословской конференции «Православное учение о церковных Таинствах» принесет свои плоды как для одной, так и для другой дисциплины.